

Климкова Людмила Алексеевна

ДЕМИНУТИВЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

На материале текстов сказок, записанных в разное время в Нижегородском Окско-Волжско-Сурском междуречье, рассматривается одно из изобразительно-выразительных средств - деминутивы. Анализируются их семантика, тематические группы, типы деривации, способы усиления коннотативности (концентрация, соположение, редупликация, повторяемость, количественная представленность, функционирование в сильных позициях и др.), динамика использования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 92-96. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81(81.367.622.22)

Филологические науки

На материале текстов сказок, записанных в разное время в Нижегородском Окско-Волжско-Сурском междуречье, рассматривается одно из изобразительно-выразительных средств – деминутивы. Анализируются их семантика, тематические группы, типы деривации, способы усиления коннотативности (концентрация, соположение, редупликация, повторяемость, количественная представленность, функционирование в сильных позициях и др.), динамика использования.

Ключевые слова и фразы: сказка; деминутив; семантика; тематическая группа; деривация; коннотативность; сильная позиция; динамика.

Климкова Людмила Алексеевна, д. филол. н., профессор
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (филиал) в г. Арзамасе
arz.kaf.rus@mail.ru

ДЕМИНУТИВЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ[©]

Значительным, имеющим непреходящую ценность источником постижения национальных корней, национальной культуры, национального характера является устное народное творчество. Это постижение происходит на основе разных сторон фольклорного дискурса – идейно-тематического содержания, прагматики, коммуникативной ситуации, сюжета, особого типа повествования, жанра, композиции, системы образов, хронотопа, специфической поэтики, языка и др.

Рассмотрение последнего аспекта из названных приводит к выявлению экспрессивно и эмоционально заряженных, субъективно-оценочных единиц – квалитативов (ср. применительно к онимам [10, с. 71-72]) или гипокористических (относящихся «к разнообразным экспрессивно-эвфемистическим явлениям речи, таким как шутивное употребление детских слов, уменьшительных имен и т.п.») [3, с. 100] – гипокористик (ср. в ономастике [10, с. 69]).

К гипокористикам как к одному из видов квалитативов относятся уменьшительно-ласкательные имена – деминутивы. На них, как колоритное явление в народной поэзии, особенно в лирических песнях, обращали внимание исследователи XIX-XX вв. – Н. А. Добролюбов, Е. В. Барсов, П. В. Евстафиев, В. Я. Пропп, П. Г. Богатырев, В. П. Аникин, И. А. Оссовецкий и др. Произведения устного народного творчества демонстрируют их обилие, частоту использования. Уровень представленности их высок, например, в частушечном дискурсе. Так, здесь чрезвычайно активны деминутивы-наименования возлюбленного-возлюбленной: *малиночка, ягодиночка, залёточка, матанечка, товарочка, зазнобушка, сударушка* и др. [6, с. 29-31; 7, с. 78-87].

Ярким изобразительно-выразительным средством являются деминутивы и в народной прозе, в частности в сказочном дискурсе. Покажем это на текстах сказок, записанных в одном регионе – в Нижегородском Поволжье, точнее в Окско-Волжско-Сурском междуречье, еще точнее – в южной части его, в так называемом Арзамасском крае, причем разными собирателями-исследователями и в разное время: в XIX веке (В. И. Даль, А. Н. Афанасьев, И. А. Худяков), в конце XIX – 1-й половине XX века (В. И. Чернышев), в 1-й половине – середине XX века (Н. Д. Комовская, В. М. Потявин), в середине и 2-й половине XX века (В. Н. Морохин), во 2-й половине XX и начале XXI века (Н. В. Морохин, М. П. Шустов), помещенных во второй книге «Сказки» из серии «Народная поэзия Арзамасского края» [13, кн. 2]. (Именно по этому источнику здесь даются названия и фрагменты текстов сказок). Первая книга сказок включает тексты, записанные студентами-филологами во время экспедиций и полевых практик в названном регионе.

Русская народная сказка как фольклорный жанр фиксируется и изучается на протяжении трех веков, уже к середине XIX века сложилась особая отрасль фольклористики – сказковедение – со своими методами, проблемами, достижениями. Так, создана типология сказок, правда, при этом существуют различные классификации их. По одной из них, наиболее представленной, сказки делятся на анималистические (о животных), волшебные, социально-бытовые (или бытовые, новеллистические) [2, с. 447; 8, с. 9-10, 26], по другой – на сказки о животных, волшебные (здесь же легендарные и богатырские), авантюрные (здесь же исторические и ряд новеллистических), бытовые (сатирические, анекдоты) [8, с. 26; 11, с. 24], в социально-бытовых сказках различают семейные, антиклерикальные, новеллистические, авантюрные [14, с. 38] и т.д. (Ср.: с точки зрения воздействия на слушателя (читателя) – художественные, дидактические, психотерапевтические, психокоррекционные, медитативные сказки [5, с. 28]).

Сказки имеют свою структуру, в них выделяются присказки, повествование-рассказ о событиях, диалогические сцены, короткие описания и рассуждения рассказчика, концовки, нередко стихотворные компоненты, песенные вставки [1, с. 131-141, 142, 160]. Последние включены, например, в сказки «Про Бурёнушку», «Жерновки», «Василиса Прекрасная», «Алёнушка», «Заяц и лисица», «О бедной девушке» и др.

Отмечен ряд колоритных, специфических явлений: традиционность, эмоциональность, нарушение правдоподобия, смещение планов изображения, антитетичность, фантастическая гиперболизация (Н. И. Савушкина), балагурство в бытовых сказках и сказках о животных, концентрация парадоксов и несообразностей и др. [Там же, с. 46, 133, 146, 166, 168].

Из речевых особенностей сказок, прежде всего волшебных, оговаривается распространенность прибауточных, устойчивых присловий, формул, характеризующих разные действия, персонажей, реальных и воображаемых; присловий-прозвищ героев, особых названий чудесных вещей и предметов; разнообразие стилистических фигур оксюморонного типа [Там же, с. 162, 163, 168]. Обращают на себя внимание повторы фрагментов текста, обычно троекратные (недословные, каждый следующий раз уточняющие, включающие детали, усиливающие воздействие на слушателя-читателя); традиционные формулы, переходящие «из сказки в сказку, передавая устоявшиеся представления о сказочной красоте, времени, пейзаже и т.д.» [8, с. 24] типа *в некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицей; веселым пирком да за свадебку; жили были старик со старухой; стали жить-поживать да добра наживать; вот и сказке конец, а кто слушал – молодец* и др.; диалогические единства, особенно выразителен их повтор; звукоподражания; имена собственные животных, причем по образцам, по формулам именованию людей (личное имя + отчество, трансформированный персонаж, прозвище): *«У Алёнушки была коровка Бурёнушка, а у Ванюшки был жеребёнок Алешенька»* («Братец Иванушка и сестрица Алёнушка»), *«Жил козёл да баран, и у них был маленькой – Филёнушка-роганок»* («Филёнушка-роганок»), *Котофей Иванович, Кот-Котофейч* («Лиса-повитуха»), *Каталей Иваныч, Лисафета Ивановна* («Каталей Иваныч и Лисафета Ивановна»), *волк Медный лоб* («Два богатыря») и др.

Активны тропы: эпитеты (в том числе постоянные), метафоры, сравнения, гиперболы, литоты: *темный, дремучий (лес); добрый (молодец); великая (сила); за крутые берега, за темные леса, за быстрые реки; взвился конь выше леса стоячего, ниже облака ходячего; красота неописанная* и т.д.

В фонд типов колоритных речевых средств, используемых в сказках, входят и деминутивы, представление о которых дано выше. Они обладают разнообразием по многим параметрам, прежде всего по семантике. Так, деминутивы деривационно соотносительны с названиями реалий из различных сфер жизни, из разных тематических групп, представляющих:

- самого человека: *головушка, глазок, глазоньки, сердечко, бородушка, ноженьки, ручонка, слюн(ь)ка, на волоске* и др. (единицы приводятся в том виде, в каком употреблены в текстах сказок);
- одежду, обувь, головные уборы, украшения: *срядка, одежонка, рубашечка, брючишки* и др.;
- пищу: *молочко, маслице, масличком, ячки, пирожок, лепёшечка, косточки, потрошки, потрошочки, хлебушек, блинок, блинчик* и др.;
- животный мир: *коняшка, коровка, коровушка, скотинка, скотинушка, собачка, овечка, свинка, жеребёнок, поросятки, цыплятки, козёлок* и др.;
- растительный мир: *цветочки, лесок, лесик, лесочек, кустик, садик, яблонька, осинка, березничек, дубок, пенушек, дупельшико* и др.;
- водное пространство, рельеф, метеорологию, время: *водица, водичка, реченька, родничок, полянка, кочечка, снежок, небушко, денёчки* и др.;
- абстрактные понятия: *кровка, грешок, прибавочка, находочка, думушка, смертынька* и др.;
- предметы быта, домашнего обихода, производственной (сельскохозяйственной) деятельности, ремесел, промыслов: *избёнка, домочек, завалинка, сенки, келейка, жерновки, грабельки, мотушечка, бердышко, куделька, кудельшико* и мн. др.

Из всех перечисленных групп самыми представленными оказываются последняя и первая, то есть тематические группы названий, относящихся к предметному миру и самому человеку. В антропонимной группе многочисленны деминутивы-термины родства: *маменька, матушка, мамаша, папаша, папенька, папанька, папынька, папашенька, батюшка, тятенька, доченька, сынок, сыночек, сынишка, сестрица, сестрёнка, сестричка, сестриченька, братец, внучек, ребёнок, крестничек, детки, детище, дитячко, тётушка, дядюшка* и др.

Заметны в этой группе деминутивы – характеристики лиц по их внутренним качествам, возрасту, семейному, социальному положению, национальности: *бедняжка, дурачок, дурочка, старичок, старушка, ребятишки, бабёнка, паренёк, молодушка, подружка, хозяйка, мужичок, солдатик, цыганочка* и др.

Обилие единиц-деминутивов определяется богатством, многообразием типов и моделей их деривации. В их число входят те, что в качестве второй производящей величины включают следующие суффиксы: -К- (*птичка, синичка, щелка, золка, щетинка, посудка, кучка, шерстка, монетка, денежка, пшеничка, лапка, песенка* и др.); -ОК-/-ЁК-/-ЕК- (*дубок, голосок, голичок, козёлок, перстенёк, гусёк, зверёк, крестничек, венчик, ящичек* и др.); -ИК- (*топорик, карасик, базарик, пудик, тарантасик, пальчик, лесик*); -ИК(О) (*крыльчино*); -ОНЬК-/-ЕНЬК- (*глазоньки, лисонька, мамонька, маменька, тёпенька, дяденька, ноженька, реченька, дороженька* и др.); -ОНК-/-ЁНК- (*одежонка, деньжонки, кофтёнка, лошадёнка, сестрёнка* и др.); -ЫНЬК- (*папынька, мамынька, тельнька, смертынька*); -УШК-/-ЮШК- (*тётушка, детушки, мамушка, кумушка, домушка, (бочка-) сороковушка* и др.); -ЫШК- (*гнездышко, перышко, горлышко, ядрышко, доньшко*); -ИШК- (*народишко, кафтанишко, меринишка, косыришко, парнишка*); -ОЧК-/-ЕЧК- (*косточка, курочка, карточки «карты», времечко, словечко, местечко*); -ЧИК- (*стульчик, супчик, блинчик, кувшинчик, прозуменчик*); -ИНЬК- (*котинька-мотинька, зайнька*); -ЕНК- (*сряденка*); -ЕЦ- (*хлебец*); -УШЕК- (*хлебушек, соловушек, воробушек*); -ИЦ- (*рощица, водица, тряпица*); -ЫЦ(Е) (*зеркальце, мыльце, шильце, сальце, помельце*); -ИЦ(Е) (*маслице, платьице, воскресеньице*); -Ц(О) (*дерево, мясо, пиенцо*); -АШК-/-ЯШК- (*коняшка*); -АН(Я) (*мамаша, папаня*); -АШ(А) (*мамаша, папаня*); -ОНОК- (*пастушонок*); -ЕНЁК- (*муженёк, куманёк*); -ЫШЕК (*воробушек*).

Перечисленные типы деривации субъективно-оценочных единиц действуют не только в языке фольклора, но и в целом в художественном и в разговорном стилях литературного языка [12, с. 208-215].

В сказочном дискурсе употребительны также деминутивы-имена прилагательные и наречия. Первые образуются по типу с суффиксом -ЕНЬК-/-ОНЬК-: *тепленький, холоденький, взросленький, большенький, свеженький, богатенький, красенький, (каша) мазаненькая, глухонький, строгонек, рады-радехоньки* и др.

В наречиях же проявляется множественность словообразовательной структуры: они производятся или суффиксальным способом (чаще по типу с суффиксом -О-) от основ имен прилагательных-деминутивов, содержащих суффикс -ЕНЬК-/-ОНЬК-, или от наречий же вставочным способом (см. мнение А. Н. Тихонова) при помощи этого же суффикса, а также -К-, -ЕЧК-, -ЫШК- (множественность словообразовательной структуры): *ранехонько, голодненько, скоренько, потихоньку, утречком, рядышком* и др. И в том и в другом случае (то есть в случае с прилагательными и наречиями) в единицах, помимо семы ласкательности, содержится значение степени проявления признака и отношения к нему.

В сказках много имен, субстантивов второй степени деминутивности: *голосочек* (← *голосок* ← *голос*), *медочек* (← *медок* ← *мед*), с аналогичными отношениями: *рубашоночка, шаричек, лесочек, пенёчек, кусточек, денёчек, сучочек, блинчик, водичка, голубочка, пичужечка, сестриченька, масличко* и др. Наиболее активны здесь типы с суффиксами -ЕК- и -К- (вторым -К-). Есть вторичные деминутивы и среди наречий: *тихонечко, немножечко, маленечко, потихонечку*.

В сказочном дискурсе используются деминутивные цепочки (пары) и парадигмы; ср., с одной стороны: *заплата – заплатка – заплаточка*, *пичуга – пичужка – пичужечка*, *колени – коленка – коленочка*, *лист – листок – листочек* и т.д., а с другой стороны: *лошадь – лошадка, лошадёнка, дверь – дверка, дверца, кафтан – кафтанчик, кафтанишко* и т.д.

Обращает на себя внимание очень интересный, на наш взгляд, факт: при образовании деминутивов на 1-й ступени при помощи суффикса -К- от имен с основой на [к] (реже [ц]) на стыке НС происходит историческое чередование к/ч, часто вместе с #//о или #//е, и возникают звуковые комплексы -ОЧК-, -ЕЧК-: *бутылочка, скляночка, коробочка, верёвочка, тарелочка, вилочка, сердечко, кошечка, дощечка, горбушечка, лукошечко, лепёшечка* и др. Эти сегменты основы, являясь субморфами, омонимичны действительным суффиксальным морфам -ОЧК-/-ЕЧК-: *ленточка, курочка, мерочка, местечко, времечко* и др. Благодаря этой омонимии, а также своеобразному проецированию характера коннотации со вторичных деминутивов с этими же субморфами создается своего рода коннотативная «магия» звуковых комплексов и происходит усиление эмоционально-экспрессивной окрашенности слов с сегментами -ОЧК-/-ЕЧК-. То же можно сказать и о субморфе -ОЧЕК-: *клубочек, кусочек, подарочек, чулочек, подзобочек, шесточек, жеребёночек, телёночек* и др. В группе слов-обозначений детенышей животных уменьшительно-ласкательное значение совмещается с семантикой невзрослости.

Рассмотрение омонимии суффиксов и субморфов можно продолжить на звуковых комплексах -ЧИК- (ср.: *чуланчик, стульчик – пальчик, крыльчи́ко*), -ИНК- (*рыбинка, палубинка, ни одной сединки*). В последнем случае происходит совмещение значений деминутивности и единичности.

В текстах сказок проявляется проекция значения коннотативности и на прилагательные, образованные от основ субстантивов-деминутивов: «Побежал заяц к *лисанькиному* дому, стучится» («Каталей Иваныч и Лисафета Ивановна»). «Это *доченькина* кочерыжка. <...> Это, говорит, *доченькины* грабельки. <...> Это, говорит, *доченькино* помельце» («Братец Иванушка и сестрица Аленушка») и др.

Коннотативность деминутивов, в том числе спроецированная, усиливается за счет большой концентрации их, сочетаемости с положительно же окрашенными единицами («согласование в представлении», по А. А. Потебне), тем более с другими деминутивами, особенно рифмующимися, а также за счет редупликации, своеобразной тавтологии единиц и их повторяемости, типа *пирожков мяских, блинчиков мякеньких, в свеженькой водичке* («Братец Иванушка и сестрица Аленушка»), *старая старушка* («Про разбойников»), *бычок-третьчок, бычок-соломенный бочок, к праздничку-понедельничку* («Сказка про лису»), *золотая рыбинка, по маленьким кусочкам, маленьким-маленьким сделался* («Бесталанный Иван»), *тётя миленькая, кусочек хлеба, чистенькой тряпочкой* («Братья»), *маленький-маленький узелочек, два кутеночка махонькие-махонькие* («Сказка про Ванюшку-Ванюшку»), *маленький-маленький флакончик, маленький аленький цветочек* («Прекрасная Елена») и др. См. текстовые свидетельства: «В одно время подходят к окошку два *седеньких старичка*»; «Василий поутру рано, помолясь богу, взял с собой в *котомочку сухариков* и пошёл» («Марко Богатый и Василий Бессчастный»); «Вышла на *крылечко*, промолвила *словечко*, покатила *яичко* по золотому *блюдечку*» («Луна и Звезда»); «Взяли положили *мальчика* под *кустик*, а жеребенка к *кустику*»; «Ну, говорит, сизый *голубочек*, свернись *клубочком*, полетай на зелен *дубок*» («Ванюша»); «Около дворца у него железные *тычинушки*. На каждой *тычинушке* по буйной *головушке*. Одна *тычинушка* без буйной *головушки*. Не твоя ли *головушка* будет на той *тычинушке*?» («Мика – Железной зуб») и т.д.

Деминутивы характерны для сказочного дискурса в целом, однако количественная представленность их в текстах сказок разная. Это определяется и объемом текста, и жанровой направленностью. В соответствии с последним признаком деминутивы наиболее характерны для сказок о животных, а также волшебных. В отдельных сказках наблюдается значительная концентрация их. Так, в сказке «Про соловушку» – 18 единиц; «Снегурушка», «Прекрасная Олёна», «По щучьему велению, по моему хотению» – в каждой около 20 единиц; «Грозный царь» – свыше 20; «Бесталанный Иван» – 26; «Два брата» – свыше 30; «Заяц и лисица» – около 30; «Василиса Прекрасная» – около 40; «Сказка про лису» – 45; «Братья», «Даша, трехглавый змей и Кощей Бессмертный» – около полусотни в каждой; «Про коровушку Бурёнушку» – около 60 единиц.

В социально-бытовых сказках деминутивов гораздо меньше, в некоторых они единичны или их вовсе нет. Например, в сказке «Тростниковая шапка» – 12 единиц; в сказках «Как богатый барин стал бедным мужиком», «Мужик сварливую жену проучил» – по шесть таких единиц; «Старик, который нес кисель бариону», «Капризный муж» – по пять; «Царь – ослиные уши» – семь; «Как старик волков победил», «Ленивый мужик» – по одной единице; «Как барин по-собачьи лаял», «Про дурака» – деминутивов нет совсем; и т.д.

Концентрация демиинутивов усиливается их повторяемостью. Скажем, в сказке «Братья» насчитывается шесть словоупотреблений демиинутива *мерочка*, по пять – *ножик*, *ребятишки*, *батюшка*, *избушка*, четыре – *тряпочка*, около десяти – *палочка*, *дедушка*, свыше двух десятков – *птичка* (в разных формах); в сказке «Про соловушку»: четыре словоупотребления – *подарочек*, пять – *соловушка*, шесть – *коробочка*, 24 – *соловушка*; в сказке «Золотая птичка-невеличка» в начале текста семь раз повторяется гипокористика *сундучок*, 24 раза на всем протяжении текста использована единица *птичка*; в сказке «Царь – ослиные уши» наблюдается семикратный повтор деривата *дудочка*; и т.д.

Даже в текстах небольшого объема концентрация и/или частотность употребления уменьшительно-ласкательных дериватов впечатляет. Например, в «Сказке про петушка» (всего одна страница печатного текста) использованы 8 единиц-демиинутивов и 44 словоупотребления их: *петушок* (11 раз), *курочка*, *маслице* (по 7 раз), *коровушка* (6 раз), *зернышко* (5 раз), *горлышко* (4 раза), *хозяйушка* (3 раза), *голубушка* (1 раз) [13, кн. 2].

Некоторые единицы повторяются во многих сказках: *сын*, *сынчик*, *сынш*, *дочка*, *доченька*, *дедушка*, *папаша*, *мамаша*, *матушка*, *батюшка*, *царь-батюшка*, *сестрица*, *братец*, *старушка*, *старичок*, *дяденька*, *маленький*, *старенький* и др.

Можно констатировать, что демиинутивы с их значительной концентрацией и повторяемостью в сказках составляют словообразовательно-модификационную текстовую доминанту.

Явления концентрации, повторяемости, соположения демиинутивов, безусловно, отражают прагматику сказочного текста-дискурса, усиливают его воздействие на слушателя-читателя. Способствует этому и семантический синкретизм демиинутивов: в них совмещаются значения уменьшительности, ласкательности, в ряде случаев, кроме того, – незрелости, единичности (оговорены выше), во всех случаях – оценочности, причем по большому счету осуществляется выход в более общее, широкое пространство оценочности – нравственного, этического, социального характера. Ср.: «Попадает ему лиса и говорит, спрашивает его *тоненьким голосочком*. <...> У лисоньки *голосок тоненький*...» («Про лису») – значение уменьшительности здесь совмещено с выражением повышенной степени проявления признака («очень тонкий»), а также ласкательности, сочувствия, хотя и с долей иронии. «Женись, наш хозяин, бери *беденькую*, не бери купцову дочь...» («Волшебное кольцо») – здесь и констатация самого факта – признака «лишенная необходимых средств к существованию», и степень этого признака (очень бедная), и оценка его, и сочувствие к носительнице признака, оказавшейся в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, и в то же время признание в ней положительных человеческих качеств. «Идут оне, идут и тут, через дом, на этом порядке, стоит *плохонькая избушка*. В ней жила одна вдова» («Про богатого Марка»), тем более *избёнка* («Про разбойников»), «Иван-царевич и три девицы», «Про Киянь-море») – выражение усиленной степени признака (очень бедная изба), сочувствия, оценки (очень плохо), в целом – крайней степени материального неблагополучия человека (часто вопреки его трудолюбию) как результата несправедливости социального строя.

Не противоречат этому и случаи выражения демиинутивами, наряду с уменьшительностью, неодобрения, иронии, насмешки, относящихся, как правило, к несправедливому миру, где забывают о чести, правде, доброте, сочувствии, жалости, милосердии, потому что господствует культ денег, жажда наживы, обман, притворство. В этом плане показателен в сказках прием контраста. Например: «Жила-была одна девушка. Эта девушка была очень умная, трудолюбивая. И в почете была всегда. Но отец у нее был бедный. А в соседнем селе был богат. Сын его был *маленький*, *щупленький*, недоученный. Бедный и решил отдать дочь за богача. А богачу это выгодно было. Работница она была хорошая» («Жила-была одна девушка»). Не случайно девушка, хотя и *беденькая*, но добрая, душевная, верная («Волшебное кольцо»); хотя *лошадёнка плохонькая*, но избавила Снегурушку от беды («Снегурушка») и др.

Активно используются гипокористики-демиинутивы апеллятивов и онимов в такой сильной текстовой позиции, как заголовок: «Снегурушка», «Ванюша», «Братец Иванушка и сестрица Алёнушка», «Филёнушка-роганок», «Жерновки», «Золотое колечко», «Сказка про Ванюшку-Ванюшку», «Про Аннушку» и др. [Там же]; «Лисонька и волк», «Козлятушки», «Зайчик – черные ушки», «Кочеток да курочка», «Липунюшка», «Филюшка», «Про Катеньку», «Крошечка-Хаврошечка», «Соседушка», «Нюронька-Снегуронька», «Настенька и Машенька», «Лутонюшка» и др. [Там же, кн. 1].

Из 165 текстов второй книги «Сказок» – около 40 с заголовками, которые включают гипокористики или целиком состоят из них, а в первой книге из 250 текстов – с такими заголовками около 60, то есть в обоих случаях около четверти библионимов связаны с гипокористиками.

Таким образом, демиинутивы в сказочном дискурсе многочисленны, многообразны в семантическом, структурно-деривационном и прагматическом аспектах. Способствуя отражению коммуникативной обстановки, ситуации, они частотны, активны в речи сказителя, персонажей. Демиинутивы участвуют в выражении доброго отношения, сочувствия к героям страдающим, переживающим разные невзгоды, превратности судьбы, к героям правдивым, честным, совестливым. Участвуют они и в выражении дидактизма сказок: всё хорошее в жизни человека, природы достойно одобрения, похвалы, умиления, любования, следования ему (и как результат – именование эмоционально-экспрессивными словами, каковыми являются гипокористики, демиинутивы), а всё недоброе, злое, несправедливое вызывает порицание, осуждение, неприятие (потому для его обозначения демиинутивы неуместны).

В целом демиинутивы в числе других языковых средств эксплицируют в сказках особое отношение к самому человеку, ко всему, что его окружает: к другим людям, природе (растительному и животному миру, метеорологии, рельефу и т.д.), предметам быта, сельскохозяйственного труда и др.

Деминутивы как истинно русский языковой феномен принимают участие в выражении национальной концептуальной картины мира (ср., например, информацию о роли деминутивов в языковом выражении концепта «баня» [4, с. 155]).

Наличие гипокористик-деминутивов, тем более их обилие, концентрация, повторяемость, сопряжение окрашивают весь текст сказок, создают его в высшей степени положительную коннотативность, связаны с передачей этнического мировидения, отражением нравственных, этических идеалов, особенностей русского характера. В этом отношении весьма показательны признание В. Я. Проппа: «Обилие ласкательных (*эпитетов* – Л. К.) выражает необычайную доброту народа по отношению ко всему, что достойно любви, признания, расположения. Вероятно, ни один язык мира не обладает таким богатством и такой гибкостью и выразительностью ласкательных или уменьшительных форм, как язык русский. В эпосе это сказывается чрезвычайно ярко» [15, с. 138].

Сопоставление разновременных по фиксации сказок проявляет динамику в использовании речевых средств, в том числе деминутивов. В сказках, записанных во 2-й половине XIX – начале и 1-й половине XX века, деминутивов больше, нежели в поздние собранные – в конце XX века (при всей индивидуальности характера, речи, манеры исполнения сказителей). Ср. сказки одной тематической направленности, отражающие те же самые мотивы: «Два брата» из сборника «Великорусские сказки» И. А. Худякова (1862 год), «Братья» из собрания В. М. Потявина (1960-1961 гг.) [13, кн. 2, с. 46-52, 272-295] и «Про двух братьев» (1988 г.) [Там же, кн. 1, с. 103-105]. В первой сказке 34 единицы-деминутива и 60 словоупотреблений их, во второй – 47 и более 100 соответственно, в третьей – 7 и немногим более 20. В сказке «Про Соломона» из собрания В. И. Чернышева (первая половина XX века) [Там же, кн. 2, с. 76-82] 18 единиц названного типа, более тридцати их словоупотреблений; в двух же сказках «Сказка о царе Соломоне» и «Как женили царя Соломона» (1988 год записи) [Там же, кн. 1, с. 200-202] всего 3 единицы и 6 словоупотреблений. Разница очевидная. В основе этого явления лежит динамика самого жанра сказки, прежде всего волшебной, в том числе уменьшение ее объема [9, с. 482-483], что связано по большому счету с возросшим рационализмом, прагматизмом жизни общества, с изменением отношения к традиционным ценностям, приоритетов, в частности с переполосированием духовного и материального. Тем не менее сохраняет значимость признание: «Русская сказка – художественное творение, в котором отложилась тысячелетняя история народа, это красочный наряд его памятной души. И сколько бы ни нашлось тем, образов и сюжетов, общих у сказок разных народов, это не меняет общего взгляда на сказку – яркое проявление национального искусства. Творил сказку главный носитель демократических начал в культуре каждой нации – народ. Раздельность национального бытия, сложившаяся в прошлом, еще не скоро уступит место всечеловеческому единству» [1, с. 173-174].

Специфику национального бытия отражает и такой языковой феномен, как деминутивы.

Список литературы

1. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Художественная литература, 1984. 176 с.
2. Аникин В. П. Русское устное народное творчество: учебник. М.: Высшая школа, 2001. 726 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
4. Горшкова Т. М., Ручина Л. И. Концептосфера русской народной сказки и практика преподавания русского языка как иностранного // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2004. Вып. 1 (5). С. 152-157.
5. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. Изд-е 3-е, перераб. и доп. СПб.: Речь, 2014. 320 с.
6. Климкова Л. А. Нижегородская частушка: сильные текстовые позиции // Приволжский научный вестник. Арзамасские филологические чтения – 2013. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 28-37.
7. Климкова Л. А. Нижегородская частушка в региональной языковой картине мира // Карповские чтения: сб. ст. / отв. ред. С. Н. Пяткин. Арзамас: АГПИ, 2012. Вып. 4. С. 78-87.
8. Круглов Ю. Г. Русские народные сказки // Сказки / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М.: Сов. Россия, 1988. Кн. 1. С. 5-50.
9. Курдин Ю. А. Алатырь – камень русской жизни // Сказки: в двух книгах / сост. Ю. А. Курдин. Арзамас: АГПИ, 2002. Книга первая. С. 472-493.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
11. Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 128 с.
12. Русская грамматика: в 2-х т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
13. Сказки: в двух книгах / сост. и автор проекта Ю. А. Курдин. Арзамас: АГПИ, 2002. Кн. первая. 503 с.; 2003. Кн. вторая. 701 с.
14. Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 352 с.
15. Язык фольклора: хрестоматия / сост. А. Т. Хроленко. М.: Флинта; Наука, 2005. 224 с.

DIMINUTIVES IN RUSSIAN FOLK TALES

Klimkova Lyudmila Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Branch) in Arzamas
arz.kaf.rus@mail.ru

By the material of folk tales put down at different times in Nizhny Novgorod Oka-Volga-Sudogda interfluvial the article examines one of the expressive and figurative means – diminutives. The author analyzes their semantics, topical groups, types of derivation, methods for intensifying connotation (concentration, co-position, reduplication, repetition, quantitative representation, functioning in strong positions, etc.), dynamics of usage.

Key words and phrases: tale; diminutive; semantics; topical group; derivation; connotation; strong position; dynamics.